

Абрахам Маслоу МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Перевод А.М.Татлыбаевой

Глава 7. ПОТРЕБНОСТИ ВЫСШИЕ И НИЗШИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ВЫСШИМИ И НИЗШИМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

В данной главе я попытаюсь показать, что можно говорить о реальных основаниях для подразделения потребностей на "высшие" и "низшие". Аргументация, которую я приведу ниже, поможет подтвердить выдвигаемое мною положение о том, что организм сам диктует иерархию ценностей, а ученый лишь наблюдает за ней и описывает ее. К сожалению, мне придется доказывать очевидные вещи, и все оттого, что в науке почему-то утвердилось представление о том, что иерархия ценностей творится ученым, что она несет на себе печать его вкусов и предубеждения, основывается лишь на его интуитивных догадках и допущениях, бездоказательных и недоказуемых. Во второй части главы я перечислю ряд возможных позитивных последствий дифференциации потребностей на высшие и низшие.

Невнимание к проблеме ценностей, нежелание признать ее научно-психологическую значимость не только ослабляет психологию как науку, не только препятствует ее полному развитию, но и подталкивает человечество к гипернатурализму, к этическому релятивизму, к хаосу и нигилизму. Если же нам удастся продемонстрировать, что способность совершать выбор между высшим и низшим, между сильным и слабым заложена в самой природе организма, то разговоры об относительности ценностей и ценностного выбора, об отсутствии естественных критериев разграничения добра и зла, о том, что одна ценность ничем не лучше другой, прекратятся за отсутствием предмета обсуждения. Принцип естественного выбора уже выдвигался мною в главе 4. Базовые потребности естественным образом выстраиваются в совершенно отчетливую иерархию, в которой более сильная, более насущная потребность предшествует менее сильной и менее насущной. Например, мы уже можем вполне определенно заявить, что потребность в безопасности сильнее, чем потребность в любви, ибо при фрустрации этих потребностей первая явно доминирует в организме. Физиологические потребности (взаимоотношения между которыми также подчиняются внутренней иерархии) насущнее, чем потребность в безопасности, которая сильнее, чем потребность в любви, которая, в свою очередь, сильнее потребности в уважении, более сильной, чем потребности в осуществлении своей самобытности, которые мы обобщаем в рамках одной потребности – потребности в самоактуализации.

Именно таков порядок потребностей, в соответствии с которым организм совершает выбор, или отдает предпочтение. Но с этим порядком связан не только процесс выбора, его отчетливое влияние обнаруживает себя и в иных сферах. Перечислим их:

В филогенетическом, или эволюционном плане более высокая потребность представляет собой более позднее образование. Если потребность в пище – общая для всех живых организмов, то потребность в любви присуща только человеку и, возможно, высшим человекообразным обезьянам, а потребность в самоактуализации, бесспорно, – одному лишь человеку. Чем выше потребность, тем более специфична она для человека.

В процессе онтогенетического развития высшие потребности обнаруживаются позже, чем низшие. При рождении человек обладает одними лишь физиологическими потребностями и, возможно, в очень слабой, зачаточной форме – потребностью в безопасности, которая проявляется в реакции испуга и наличие которой косвенно может быть подтверждено общим наблюдением, согласно которому ребенок развивается лучше, если окружающий его мир отличается стабильностью и регулярностью. Только спустя несколько месяцев ребенок начинает выказывать первые признаки социальной привязанности и избирательной любви, и еще позже, если чувствует себя в безопасности и если окружен любовью родителей, обнаруживает стремление к самостоятельности, независимости, потребность в достижении, в уважении, в оценке, в похвале. Что касается потребности в самоактуализации, то даже Моцарт обрел ее не раньше, чем в трех-четырёхлетнем возрасте.

Чем выше место потребности в иерархии потребностей, тем менее насущна она для выживания, тем дольше она может оставаться неудовлетворенной и тем выше вероятность ее полного исчезновения. Потребности высших уровней отличаются меньшей способностью к доминированию и меньшей организационной силой. Если низшие потребности требуют немедленного удовлетворения, мобилизуют все силы организма и вызывают автономные реакции, призванные обеспечить их удовлетворение, то высшие потребности не так настоятельны. Отчаянное, маниакальное стремление к безопасности наблюдается гораздо чаще, чем маниакальное стремление к уважению окружающих. Депривация высших потребностей не вызывает таких отчаянных реакций самозащиты, как депривация низших потребностей. По сравнению с пищей и безопасностью уважение кажется просто роскошью.

Жизнь на более высоких мотивационных уровнях означает большую биологическую эффективность, большую продолжительность жизни, меньшую подверженность болезням, лучший сон, аппетит и т.п. Исследования в области психосоматики вновь и вновь показывают нам, что следствием тревоги, страха, отсутствия любви, деспотизма становятся крайне нежелательные физические и психологические последствия. Удовлетворение высших потребностей в конечном итоге не только повышает жизнеспособность организма, оно служит его росту и развитию.

С субъективной точки зрения высшие потребности менее насущны. Намеки высших потребностей невняты, неотчетливы, их шепот порой заглушается громкими и ясными требованиями других потребностей и желаний, их интонации очень похожи на интонации ошибочных убеждений или привычек. Умение распознать собственные потребности, то есть понять, что тебе нужно на самом деле – само по себе огромное психологическое достижение. Все, что мы сказали здесь, вдвойне справедливо для

потребностей высших уровней.

Удовлетворение высших потребностей приводит человека к субъективно желанному состоянию, он испытывает чувство покоя, умиротворенности, счастья, богатства внутренней жизни. Удовлетворение потребности в безопасности в лучшем случае может принести чувство облегчения и расслабленности, но не может подарить человеку мгновений экстаза, высших переживаний, исступленного счастья, восторга, как не может вызвать чувства умиротворенности, понимания, гордости и тому подобных чувств.

Жизнь на высших мотивационных уровнях, поиск удовлетворения высших потребностей означает движение в сторону здоровья, прочь от психопатологии. Аргументы в пользу этого тезиса приведены в главе 5.

Для актуализации, пробуждения высшей потребности требуется больше предварительных условий, чем для актуализации низшей потребности. Мы можем говорить об этом уже потому, что для пробуждения высшей потребности необходимо удовлетворение более сильных по сравнению с ней потребностей. Например, пробуждение потребности в любви требует выполнения большего количества условий, чем пробуждение потребности в безопасности. В более общем плане можно сказать, что "высокая" жизнь несоизмеримо сложнее, чем "низкая" жизнь. Для того, чтобы испытать потребность в уважении и статусе, человек должен взаимодействовать с большим числом людей, должен иметь более широкую арену деятельности, должен ставить перед собой более долговременные задачи, должен уметь оперировать более разнообразными средствами и парциальными целями, должен сделать большее количество промежуточных шагов, чем это необходимо для пробуждения потребности в любви. То же самое можно сказать и относительно потребности в любви, если мы сравним ее с потребностью в безопасности.

Для пробуждения высших потребностей необходимы хорошие внешние условия. Для того, чтобы люди перестали убивать друг друга, необходимы соответствующие внешние условия, но для того, чтобы люди еще и любили друг друга, необходимо несколько большее. И наконец, только очень хорошие условия делают реальной возможность самоактуализации.

При условии удовлетворения и низшей и высшей потребности последняя приобретает большую субъективную значимость для человека. Ради высшего удовлетворения человек готов терпеть лишения и идти на жертвы, готов мириться с депризацией низших потребностей. Зачастую ради принципов и убеждений человек согласен вести аскетическую жизнь, он отказывается от богатства и престижа во имя возможности осуществить себя на избранном поприще. Человек, удовлетворивший низшие потребности и познавший, что такое самоуважение и самоосуществление, как правило, ставит их выше сытого желудка и чувства безопасности.

Чем выше уровень потребностей человека, тем шире круг его любовного отождествления (тем большее количество людей входит в этот круг и тем выше степень

любовного отождествления). Любовное отождествление можно определить как слияние мотивационных иерархий двух или нескольких людей. Человек принимает потребности и желания любимого человека как свои собственные, не различает их. Желание любимого становится его собственным желанием.

Жизнь на высших мотивационных уровнях и удовлетворение высших потребностей вызывает желательные, благоприятные гражданские и социальные последствия. В какой-то степени здесь справедлива следующая закономерность: чем выше потребность, тем она менее эгоистична. Голод чрезвычайно эгоцентричен, утоление голода – это всегда самоудовлетворение. Но стремление к любви и уважению обязательно предполагает взаимодействие с другими людьми. Более того, его невозможно осуществить, не осознав необходимость удовлетворять потребности других людей. Люди, в достаточной мере удовлетворившие свои базовые потребности (потребность в пище и в безопасности), устремленные к любви и уважению, обнаруживают такие черты, как верность, дружелюбие, гражданское самосознание; именно из таких людей получаются хорошие родители, супруги, учителя, общественные деятели и т.п.

Удовлетворение высших потребностей в большей мере приближает человека к самоактуализации, чем удовлетворение низших потребностей. Это различие имеет чрезвычайно важное значение для теории самоактуализации. Помимо всего прочего оно означает, что люди, живущие на высоких уровнях мотивационной жизни, многими чертами похожи на самоактуализирующихся людей и похожесть эта очень заметна.

Жизнь на высоких мотивационных уровнях и удовлетворение высших потребностей приводит к более сильному и более естественному, истинному индивидуализму. Данное положение как будто вступает в противоречие с предыдущим заявлением о том, что "высокая" жизнь означает более сильное любовное отождествление, то есть социализацию. Однако, несмотря на всю кажущуюся алогичность, его следует воспринимать как эмпирическую реальность. Самоактуализирующиеся люди отличаются как высокой степенью самобытности, так и способностью любить человечество, и этот факт полностью соответствует теоретическим размышлениям Фромма относительно синергической природы взаимоотношений между любовью к себе (или вернее, самоуважением) и любовью к другим людям. В данном контексте интересны также его размышления об индивидуальности, спонтанности и роботизации (145).

Чем выше уровень потребностей, тем более податлив человек для психотерапевтического воздействия, тем эффективнее оно может быть; психотерапевт не в состоянии оказать помощь человеку, находящемуся на низких уровнях мотивационной жизни. Психотерапевтические методы ничем не помогут голодному человеку.

Низшие потребности имеют более четкую локализацию, более осязаемы и ограничены, чем высшие потребности. Голод и жажда гораздо более "соматичны", чем потребность в любви, которая, в свою очередь, более соматична, чем потребность в уважении. Кроме того, удовлетворители низших потребностей гораздо более осязаемы и очевидны, чем

источники удовлетворения высших потребностей. Ограниченность низших потребностей проявляется еще и в том, что для их удовлетворения требуются конкретные удовлетворители. Чтобы утолить голод, достаточно съесть определенное количество пищи, но удовлетворение потребностей в любви, в уважении и когнитивных потребностей не знает пределов.

НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗЛИЧИЯ ВЫСШИХ И НИЗШИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Если мы согласимся с тем, что 1) высшие и низшие потребности имеют разные характеристики и 2) высшие потребности наряду с низшими представляют собой неотъемлемую часть человеческой природы (а вовсе не навязаны и не противоположны ей), – то наши взгляды на психологию и философию претерпят революционные изменения. Концепции образования, политические и религиозные теории, принятые в настоящее время в большинстве культур, базируются на прямо противоположных принципах. В целом можно сказать, что биологическая, животная, инстинктоидная природа человека понимается ныне исключительно как свод физиологических потребностей: пищевой, половой и т.п., которым противопоставляются высшие человеческие стремления и порывы, потребность в правде, в любви, в красоте. Более того, сами эти стремления нередко трактуются как антагонистические, взаимоисключающие, конфликтующие, противоборствующие друг с другом. По одну сторону баррикад встает культура со всеми ее институтами, вооруженная разнообразнейшими средствами воздействия на человека, по другую оказывается низкая, животная природа человека. Культура считает своим долгом уничтожить своего соперника, подавить его, превращаясь, таким образом, в деспота, фрустратора или, в лучшем случае, обретает черты суровой необходимости.

Много пользы нам принесло бы осознание того факта, что высшие стремления и позывы есть частью биологической природы человека, столь же неотъемлемой, как потребность в пище. На некоторых из позитивных последствий этого осознания я хочу остановиться подробнее.

Наверное, самым важным в числе прочих последствий должно стать преодоление ложной дихотомии между когнитивным и конативным началами. Человеческое стремление к познанию, к пониманию, потребность в жизненной философии и системе ценностей, желание иметь некую точку отсчета – все эти когнитивные потребности несут в себе конативное начало и составляют часть нашей примитивной животной натуры. (Воистину, человек – это особое животное.)

Мы прекрасно понимаем, что человеческие потребности нельзя рассматривать как некие слепые, стихийные силы. Мы знаем, что они модифицируются под влиянием культуры, по мере накопления опыта взаимодействия с окружающей средой и познания адекватных способов их удовлетворения, и следовательно, мы должны признать, что когнитивные процессы играют важную роль в их развитии. По мнению Джона Дьюи,

уже само существование потребности и способность понять ее напрямую зависят от способа познания реальности и от способа познания возможности или невозможности ее удовлетворения.

Если конативное начало содержит в себе когнитивный компонент, а когнитивное начало несет в себе конативную функцию, то бессмысленно и даже патологично настаивать на их противопоставлении друг другу.

Согласившись с вышеизложенным, мы сможем свежим взглядом посмотреть на извечные философские проблемы. И мы увидим, что некоторые из них не заслуживают звания проблемы, так как базируются на ложном понимании мотивационной жизни человека. В числе таких псевдопроблем назову проблему соотношения эгоизма и альтруизма – понятий, традиционно противопоставляемых друг другу. Как, скажите на милость, нам следует определить "эгоизм" и "альтруизм", если сама структура инстинктоидных потребностей человека, таких, например, как потребность в любви, предполагает большее удовольствие, причем удовольствие личное, сугубо "эгоистическое" не тогда, когда мы сами едим арбуз, а тогда, когда видим, с каким наслаждением едят арбуз наши дети? Если потребность в истине так же свойственна животной, биологической натуре человека, как потребность в пище, то можно ли сказать, что человек, рискующий жизнью ради истины, – меньший эгоист, чем тот, кто рискует жизнью, чтобы добыть себе еду?

Если человек получает удовольствие, причем удовольствие животное, личное, эгоистическое и от пищи, и от секса, и от любви, и от уважения, и от красоты, и от истины, то очевидно, что концепция гедонизма требует существенных уточнений. Может статься, что "высокий" гедонизм – штука куда как более мощная, чем гедонизм "низкий".

Вряд ли устоят и такие традиционные дихотомии, как "романтизм-классицизм", "дионисийское-аполлоническое". Истоки этих дихотомий лежат все в том же неправомерном противопоставлении низших потребностей потребностям высшим, в стремлении разделять потребности на животные и неживотные, антиживотные. Мы вынуждены будем пересмотреть и концепцию рациональности-иррациональности, произвести ревизию столь привычного противопоставления рационального начала началу импульсивному и традиционного понимания рациональной жизни как противоположности инстинктивной.

Дифференцированное изучение человеческой мотивации, несомненно, привнесет много нового и в этику, и в философию в целом. Пора, наконец, отказаться от представления, что благородные позывы души похожи на узду, набрасываемую на строптивного коня, – их ценность не в том, что они укрощают наше инстинктивное, животное начало, а в том, что они, подобно могучим коням, возносят нас к высотам человеческого бытия; если мы примем такой взгляд на вещи, если согласимся с тем, что корни высших и низших потребностей питает почва нашей биологической природы, что высшие потребности равноправны с животными позывами и что последние так же хороши как первые, тогда противопоставление их друг другу станет просто бессмысленным. Разве сможем мы тогда по-прежнему считать, что истоки высокого и низкого в человеческой природе

находятся в разных, противоборствующих вселенных?

Более того, если мы однажды в полной мере осознаем, что эти хорошие, благородные человеческие позывы возникают и набирают силу только после удовлетворения более сильных по сравнению с ними животных нужд, то сможем отвлечься от самоконтроля, подавления, самодисциплины и задумаемся, наконец, о значении спонтанности, удовлетворения и естественного, организмического выбора. Возможно даже, мы обнаружим, что принципиальной разницы между долгом, ответственностью и необходимостью, с одной стороны, и игрой, удовольствием и наслаждением, с другой, просто не существует. На высших уровнях мотивационной жизни, на уровне Бытия исполнение долга становится удовольствием, труд преисполнен любовного отношения, и нет нужды делить время между "делом" и "потехой".

Наша концепция культуры и ее взаимоотношений с индивидуумом должна измениться в сторону "синергии", согласно терминологии Рут Бенедикт (40, 291, 312). Культура должна стать инструментом базового удовлетворения (314, 315), а не подавления или запрета. Культура не только предназначена для удовлетворения человеческих потребностей, она сама есть продуктом этих потребностей. Мы должны отказаться от традиционной дихотомии "культура-индивидуум", мы уже не вправе настаивать на том, что они противоборствуют друг другу. Настало время обратить внимание на возможность их синергического существования и сотрудничества.

Осознание того факта, что лучшие позывы человеческой души скорее биологически запрограммированы, чем случайны или условны, имеет поистине огромное значение для теории ценностей. В частности, оно поможет нам приблизиться к мысли, что нет никакой нужды конструировать ценности при помощи логики или пытаться черпать их из различных авторитетных источников. Все, что нам нужно, это научиться быть пристальными и наблюдательными, потому что ответ на вопрос, мучающий человека на протяжении многих веков (вопросы "как стать хорошим?", "как стать счастливым?", в сущности, – лишь вариации одного глобального вопроса "как стать плодотворным?"), содержится в самой человеческой природе. Организм сам говорит нам о том, что ему нужно, а, значит, и о том, что он ценит, – получив возможность вольно следовать своим идеалам, он крепнет, растет и процветает, а лишившись такой возможности – заболевает

Как показывают исследования, базовые потребности, несмотря на свою инстинктоидную природу, во многом отличаются от инстинктов, характерных для низших животных. Пожалуй, самым важным в данной области стало открытие того факта, что голос наших инстинктоидных потребностей очень слаб, его легко может заглушить голос культуры, и этот факт явился неожиданным для нас, ибо он вступает в противоречие с традиционным представлением об инстинктах, в соответствии с которым они представлялись нам в виде мощных, злых и неуправляемых сил. Осознание своих импульсов, понимание своих истинных, внутренних потребностей и желаний – очень трудная психологическая задача. Здесь следует иметь в виду, что чем более высока потребность, тем она слабее, тем с большей легкостью она поддается модификациям и подавлению. Наконец, наши инстинктоидные потребности ни в коем случае не дурны, –

они, по меньшей мере, нейтральны, если не хороши. Сколь бы парадоксально это ни звучало, я готов заявить – для того, чтобы наши инстинкты, вернее то, что осталось от них, не были окончательно задавлены средой, нужно защищать их от культуры, образования, научения.

Наше представление о целях и задачах психотерапии (равно как и о целях образования, воспитания и прочих мероприятий, направленных на формирование характера человека) претерпевает значительные изменения. Пока еще очень часто психотерапию путают с процессом обучения индивидуума неким способам контроля за своими импульсами, с освоением навыков и приемов их подавления. Ключевыми понятиями такого воспитательного режима выступают понятия дисциплины, управления, подавления.

Но если мы примем новый взгляд на психотерапию, если поймем, что она нацелена на снятие внутренних запретов и внутренних барьеров индивидуума, то главными для нас станут такие понятия как спонтанность, естественность, высвобождение, самоприятие, удовлетворение, свобода выбора. Согласившись с тем, что импульсы, идущие из глубин человеческой природы – хорошие, полезные, что они заслуживают восхищения и поощрения, мы не станем ограничивать их рамками условностей, не станем налагать запреты на их выражение, а наоборот, будем стремиться к тому, чтобы найти способ выразить их как можно более ярко и свободно.

Если мы примем все вышеизложенное, если согласимся с тем, что наши инстинкты слабы, что высшие потребности имеют инстинктоидную природу, что культура – гораздо более мощная сила, чем наши базовые потребности, что эти потребности хороши и полезны, то для нас станет очевидно, что задача совершенствования природы человека может быть осуществлена только с помощью тех социальных мер, которые укрепляют и поощряют инстинктоидные тенденции человека. И в самом деле, разве можно считать "хорошей" культуру, которая отказывает человеку в возможности выражать и осуществлять его внутренние, биологические тенденции?

Тот факт, что человек может достичь высших уровней мотивации независимо от того, удовлетворены ли его низшие потребности (и даже независимо от удовлетворения высших потребностей), дает ключ к лучшему пониманию старой теософской дилеммы, вот уже несколько столетий служащей предметом жарких споров. Любой уважающий себя теолог обязательно обращался к проблеме взаимоотношения плоти и духа, ангела и дьявола, то есть высокого и низкого в человеке, но никому из них так и не удалось примирить противоречия, таившиеся в этой проблеме. Теперь, опираясь на тезис о функциональной автономии высших потребностей, мы можем предложить свой ответ на этот вопрос. Высокое возникает и проявляется только на базе низкого, но возникнув и утвердившись в сознании человека, оно может стать относительно независимым от его низшей природы (5).

Теперь мы можем попытаться расширить дарвиновскую теорию выживания понятием "ценности роста". Человек стремится не только к выживанию, но и к развитию, к личностному росту, к воплощению своих возможностей в действительность, к счастью, душевному покою, высшим переживаниям, к трансцендированию, выходу за пределы

личности (317), к более глубокому и полному познанию реальности. Нищета, войны, насилие, деспотизм дурны не только потому, что ослабляют жизнестойкость человека, угрожают его выживанию, но и потому, что снижают качество самой жизни, ослабляют личность и сознание человека, делают его недочеловеченным.